Митрополит Иларион: Всем в своей жизни я обязан Церкви

*В канун своего 50-летия председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион рассказал в **интервью** порталу «Православие и мир» о своем приходе к вере, жизни и смерти, новой книге и писательском мастерстве.*

– Владыка, Вам исполняется 50 лет. Не верится. Скажите, когда Вы принимали решение о монашеском постриге, Вы (апеллирую к словам Патриарха Кирилла и отца Евгения Амбарцумова) принимали решение за себя двадцати-, тридцати-, сорока- и пятидесятилетнего? Оправдала ли реальность ваши ожидания?

– Когда я принимал постриг, мне было 20 лет, и я, конечно, не думал ни о себе 30-летнем, ни о себе 50-летнем. Я жил тем моментом. Но у меня не было никаких сомнений, что я хочу посвятить жизнь Церкви, что я хочу именно так построить жизнь, а не иначе. И за прошедшие с тех пор 30 лет я еще ни разу не разочаровался в принятом решении. Не было ни одного дня, ни одной минуты, когда бы я пожалел.

Всем в своей жизни я обязан Церкви. Некоторые люди мне говорят: «Почему Вы связали себя с Церковью? Ведь Вы могли бы искусством заниматься, оркестром дирижировать, музыку писать». Для меня служение Церкви всегда было самым главным, все остальное выстраивалось вокруг этого основного стержня. И для меня всегда самым важным было служить Христу.

Все эти годы я проповедовал Христа и вновь и вновь открывал Его для себя. Я проповедую Христа через книги, через музыку, через телевизионные передачи и фильмы. Но вся эта деятельность мотивирована не тем, что я хочу что-то кому-то сказать или доказать. Прежде всего, когда я пишу или говорю, я что-то открываю для себя, пропускаю через себя, а потом я это отдаю людям. Жизнь во Христе, жизнь в Церкви – очень интересная, очень насыщенная, очень содержательная, и мне хочется поделиться этой жизнью с теми людьми, которые по каким-то причинам находятся вне Церкви, для которых вера не является основным мотивирующим фактором их жизни. Мне хочется им объяснить, что дает вера, что дает Христос.

– В одном из интервью Вы говорили о том, что тема смерти вас волновала с достаточно раннего возраста. Как эта тема у вас впервые возникла, как менялось ваше восприятие?

– Может быть, Вас это удивит, но у меня тема смерти впервые возникла в детском саду. Мне было

5 или 6 лет, и я вдруг осознал, что мы все умрем: что я умру, что все эти дети, которые вокруг меня, умрут. Я начал об этом думать, задавать вопросы себе, взрослым. Не помню сейчас ни эти вопросы, ни ответы, которые я получал. Помню только, что эта мысль меня очень остро пронзила и довольно долго не отступала.

В юности я тоже много думал о смерти. У меня был любимый поэт – Федерико Гарсиа Лорка: я открыл его для себя в очень раннем возрасте. Основная тема его поэзии – тема смерти. Не знаю другого поэта, который столько думал и писал о смерти. Наверное, в какой–то степени через эти стихи он предсказал и пережил собственную трагическую смерть.

Когда я заканчивал школу, к выпускному экзамену я подготовил сочинение «Четыре стихотворения Гарсиа Лорки»: это был вокальный цикл на его слова для тенора и фортепьяно. Много лет спустя я его оркестровал и переименовал в «Песни о смерти». Все четыре стихотворения, выбранные мною для этого цикла, посвящены смерти.

– Почему Вас так занимала эта тема?

– Наверное, потому, что от ответа на вопрос, зачем человек умирает, зависит ответ на вопрос, зачем он живет.

– Поменялось ли что-то с приходом к активной церковной жизни?

– Так случилось, что мой приход к активной церковной жизни совпал с несколькими смертями, которые я очень глубоко пережил.

Первая – смерть моего учителя по скрипке Владимира Николаевича Литвинова. Мне тогда было, наверное, лет 12. Я его очень любил, он был для меня огромным авторитетом. Он был человеком необычайно интеллигентным, сдержанным, тонким, прекрасно вел свой предмет, с огромным уважением относился к ученикам, его все обожали. Он был совсем еще молодым человеком – лет сорока, не более.

Вдруг я прихожу в школу, и мне говорят – Литвинов умер. Сначала я подумал, что кто-то шутит надо мной. Но потом увидел его портрет в черной рамке. Он был один из самых молодых преподавателей. Оказалось, что он умер прямо во время экзамена, когда играл его ученик. Ему внезапно стало плохо с сердцем, он упал, вызвали скорую, а она вместо улицы Фрунзе поехала на улицу Тимура Фрунзе. И когда через 40 минут они наконец доехали, он уже был мертв. Я участвовал в его похоронах, это была первая смерть в моей жизни.

Спустя некоторое время была смерть моей бабушки, потом смерть ее сестры – моей двоюродной бабушки, потом смерть моего папы. Все это следовало одно за другим, и конечно, вопрос о смерти у меня постоянно возникал не как какой-то теоретический вопрос, а как то, что происходило вокруг меня с близкими мне людьми. И я понимал, что ответ на этот вопрос дает только вера.

– У Вас есть сейчас внутреннее понимание того, что такое смерть? Я, например, хорошо понимаю все это умом, но совсем не могу внутренне принять и понять безвременный уход близких...

– Человек состоит не только из ума, он состоит также из сердца и тела. На такие события мы реагируем всем своим естеством. Поэтому даже если умом мы понимаем, для чего это происходит, даже если вера нас укрепляет в перенесении таких событий, тем не менее, все наше человеческое естество противится смерти. И это естественно, потому что Бог нас не для смерти создал: Он создал нас для бессмертия.

Казалось бы, мы должны быть к смерти подготовлены, мы каждый вечер себе говорим, отходя ко сну: «Неужели мне одр сей гроб будет?» И весь мир мы видим в свете этого события смерти, которое может постигнуть каждого человека в любой момент. И тем не менее, смерть всегда приходит неожиданно, и мы внутренне протестуем против нее. Каждый человек ищет свой ответ, и он не может исчерпаться только логически выстроенными аргументами из учебника по догматическому богословию.

Одно из произведений, которое произвело на меня сильное впечатление в детские и юношеские годы, это 14-я симфония Шостаковича. В значительной степени под влиянием этого сочинения я написал свои «Песни о смерти». Я тогда его много слушал и много думал, почему Шостакович на закате своих дней написал именно такое сочинение. Он сам называл его «протестом против смерти». Но этот протест в его трактовке не давал никакого выхода в иное измерение. Мы можем протестовать против смерти, но она все равно придет. Значит, важно не просто ее опротестовать, а важно ее осмыслить, понять, для чего она приходит и что нас в связи с этим ждет. И ответ на это дает вера, и не просто вера в Бога, но именно христианская вера.

Мы верим в Бога, Который был распят и умер на кресте. Это не просто Бог, Который откуда-то с небесной высоты за нами взирает, следит, наказывает за грехи, поощряет за добродетели, сочувствует нам, когда мы страдаем. Это Бог, Который пришел к нам, Который стал одним из нас, Который вселяется в нас через Таинство Причащения и Который находится рядом с нами – и тогда, когда мы страдаем, и когда умираем. Мы верим в Бога, Который спас нас через Свои страдания, Крест и воскресение.

Часто спрашивают: почему Бог должен был спасти человека именно этим способом? Неужели у него не было других, менее «болезненных» способов? Почему непременно надо было Самому Богу пройти через Крест? Я на это отвечаю так. Есть разница между человеком, который с борта корабля видит утопающего, бросает ему спасательный круг и сочувственно смотрит, как тот выкарабкивается из воды, и человеком, который ради спасения другого, рискуя собственной жизнью, бросается в штормовые воды моря и отдает свою жизнь, чтобы другой мог жить. Бог решил нас спасти именно так. Он бросился в бушующее море нашей жизни и отдал Свою жизнь, чтобы нас спасти от смерти.

– Потрясающе сильный образ, никогда такой не встречала, действительно очень понятный.

– Этот образ я использую в своем катехизисе, который только что закончил. Там я постарался изложить основы православной веры самым простым языком, используя образы, понятные современному человеку.

– А чем Ваш катехизис отличается от того, над которым работает Синодальная библейско-богословская комиссия под Вашим руководством? Почему понадобился еще один катехизис?

– В Синодальной богословской комиссии мы долгие годы писали большой катехизис. Идея заключалась в том, чтобы написать фундаментальный труд, который бы содержал подробное изложение православной веры. Задание это было мне дано, когда я еще не был председателем комиссии, а ее возглавлял владыка Филарет Минский. Была создана рабочая группа, мы начали обсуждать сначала содержание катехизиса, потом утвердили план, потом подобрали коллектив авторов.

К сожалению, некоторые авторы написали так, что не удалось воспользоваться плодами их трудов. Некоторые разделы приходилось дважды или трижды перезаказывать. В конце концов, после нескольких лет напряженного труда у нас появился текст, который мы стали обсуждать на пленарных заседаниях, собирали отзывы членов богословской комиссии. Наконец, мы представили текст священноначалию. Сейчас этот текст разослан на отзывы, и мы уже начали их получать.

Несколько дней назад я получил письмо от одного уважаемого иерарха, который приложил отзыв на текст нашего катехизиса, составленный в его епархии. В этом отзыве было много похвал, но также было сказано, что катехизис слишком длинный, что он содержит слишком много подробностей, которые людям не нужны, что катехизис должен быть коротким.

Когда мы создавали концепцию этого катехизиса, идея была в том, чтобы написать большую книгу, где подробно было бы рассказано о догматах Православной Церкви, о Церкви и богослужении, и о нравственности. Но теперь, когда мы эту большую книгу ценой очень больших коллективных трудов написали, нам говорят: «А нужна-то маленькая книга. Дайте нам книгу, которую мы могли бы дать человеку, пришедшему креститься, чтобы он мог за три дня прочитать то, что ему нужно».

Меня этот отзыв, честно говоря, разозлил. Настолько, что я сел за компьютер и написал свой катехизис – тот самый, который можно было бы дать человеку перед крещением. Я хотел бы, чтобы человек мог прочитать его за три дня. И писал я его тоже три дня – на едином порыве вдохновения. Потом, правда, пришлось многое переписывать, уточнять и дорабатывать, но первоначальный текст был написан очень быстро. В этом катехизисе я постарался максимально доступно и просто изложить основы православной веры, изложить учение о Церкви и ее богослужении, сказать об основах христианской нравственности.

– Вы очень хорошо пишете короткие вероучительные тексты – для переводов на английский мы постоянно используем ваши книги.

– Здесь главное было не написать лишнее. Мне все время приходилось себя ограничивать, потому что, естественно, по каждой теме можно сказать больше, но я представлял себя на месте человека, который пришел креститься: что нужно дать этому человеку, чтобы он узнал о православной вере? В итоге получился катехизис для готовящихся к крещению, для тех, кто когда-то крестился, но не воцерковился, и для всех, кто хочет больше узнать о своей вере.

Написал я его, кстати, благодаря тому, что мы не поехали на Всеправославный Собор. У меня были запланированы две недели пребывания на Крите, но так как мы приняли решение туда не ехать, неожиданно высвободилось целых две недели. Я посвятил это время катехизису: три дня писал и неделю редактировал.

– Значит, в ближайшем будущем в Церкви будет две книги: подробный полный катехизис и емкое издание для новоначальных?

– Это две книги разного статуса. Один – катехизис соборный, который, я надеюсь, мы все-таки доведем до нужной кондиции и получим соборное одобрение этого текста. А то, что я сейчас написал, – это мой авторский катехизис. И я надеюсь, что он будет использоваться, в том числе, в таких ситуациях, когда приходит человек креститься и говорит: «Дайте мне книгу, чтобы я мог за 3–4 дня прочитать и подготовиться». Вот для этой цели эта книга писалась.

– Только что издана Ваша книга о Христе. Она называется «Начало Евангелия». Когда я открыла ее, я просто дар речи потеряла – насколько же это нужная, важная и фантастически оформленная книга! Я давно как-то без интереса смотрю на книжные новинки, но вот начала читать первую главу и поняла, что не оторваться, и что срочно надо заказывать сотню книжек всем в подарок. Спасибо Вам огромное, это какая-то удивительная радостная новость, потому что ну вот обо всем у нас говорят и пишут, кроме Христа. Очень надеюсь, что это будет бестселлер.

Очень много книг написано сегодня про все, и совсем непонятно, как писать про Христа, как с людьми говорить о Христе в нашей жизни. Понятно, как читать какую молитву, как на исповеди говорить, а вот Христа в повседневной христианской жизни очень не хватает.

– К этой книге я шел очень долгие годы. В каком-то смысле она является итогом, как минимум, четвертьвекового моего развития, с тех пор как я начал читать лекции по Новому Завету в только что тогда созданном Свято-Тихоновском институте. Это был 1992–1993 учебный год. Тогда я впервые соприкоснулся не только с Евангелием, которое, конечно, читал с детства, но и со специальной литературой по Новому Завету. Но литературы тогда было мало, доступ к ней был у нас ограничен. А моя богословская деятельность в основном вращалась вокруг патристики, то есть учения Святых Отцов. Я занимался патристикой в Оксфорде, написал там диссертацию о Симеоне Новом Богослове. Потом на волне «остаточного вдохновения» написал книги о Григории Богослове, об Исааке Сирине. И потом весь этот массив патристических идей и мыслей вошел в мою книгу «Православие».

Книга «Православие» начинается с Христа, но я почти сразу перехожу к другим темам. Это было связано с тем, что на тот момент я еще не созрел для того, чтобы писать о Христе.

А между тем, тема Христа меня занимала в течение всей жизни, по крайней мере, с 10-летнего возраста. Конечно, я читал Евангелие, размышлял о Христе, о Его жизни, о Его учении. Но в какой-то момент, это было около двух с половиной лет назад, я понял, что мне нужно очень серьезно ознакомиться с современной специальной литературой по Новому Завету. Это было связано с тем, что я по благословению Патриарха возглавил рабочую группу по подготовке учебников для духовных школ. И сразу остро встал вопрос об учебнике по Новому Завету, по Четвероевангелию. Я понял, что мне по разным причинам этот учебник придется писать самому. Чтобы его написать, нужно было освежить знания в области научной литературы по Новому Завету.

Мой способ освоения литературного материала – реферирование. Пока я не начну что-то писать,

я не могу сосредоточиться на чтении, как в известном анекдоте про человека, который поступал в литературный институт и которого спрашивали: «Вы читали Достоевского, Пушкина, Толстого?» А он ответил: «Я не читатель, я писатель».

– Вы говорили, что в детстве читали по 500–600 страниц в день...

– Да, в детстве я много читал, но с какого-то момента стал читать гораздо меньше, стал читать только то, что мне нужно для того, что я пишу. Когда я пишу, я осмысливаю прочитанное.

Поначалу я решил написать учебник, но быстро понял, что для того, чтобы он получился, надо сначала написать книгу. И вот я начал писать книгу об Иисусе Христе, которая со временем должна была превратиться в учебник. Сначала я предполагал написать одну книгу, но когда начал писать, понял, что в одну книгу весь гигантский собранный материал не уложится. В итоге я написал шесть книг. Сейчас вышла первая, четыре других написаны полностью и будут выходить в порядке очереди, шестая написана, что называется, «в первом чтении». По сути, труд завершен, хотя какое-то редактирование шестой книги еще потребуется.

– Расскажите, как строится книга?

– Я решил идти не по хронологии евангельских событий, вперемежку рассматривая эпизоды из жизни Христа, чудеса, притчи. Я решил осваивать евангельский материал крупными тематическими блоками.

Первая книга называется «Начало Евангелия». В ней я, во-первых, говорю о состоянии современной новозаветной науки, даю некое общее введение во все шесть книг. Во-вторых, я рассматриваю начальные главы всех четырех Евангелий и их основные темы: Благовещение, Рождество Христово, выход Иисуса на проповедь, крещение от Иоанна, призвание первых учеников. И даю некий самый общий набросок того конфликта между Иисусом и фарисеями, который в конце приведет к Его осуждению на смерть.

Вторая книга посвящена целиком Нагорной проповеди. Это обзор христианской нравственности.

Третья посвящена целиком чудесам Иисуса Христа по всем четырем Евангелиям. Там я говорю о том, что такое чудо, почему некоторые люди не верят в чудеса, как вера соотносится с чудом. И рассматриваю каждое из чудес в отдельности.

Четвертая книга называется «Притчи Иисуса». Там изложены и рассмотрены – одна за другой – все притчи из синоптических Евангелий. Я говорю о жанре притчи, объясняю, почему именно этот

жанр избрал Господь для Своих поучений.

Пятая книга, «Агнец Божий», посвящена всему оригинальному материалу Евангелия от Иоанна, то есть материалу, который не дублируется в синоптических Евангелиях.

И наконец шестая книга – «Смерть и воскресение». Здесь речь идет о последних днях земной жизни Спасителя, Его страданиях на кресте, смерти, воскресении, явлениях ученикам после воскресения и вознесении на небеса.

Такая вот книжная эпопея. Мне нужно было ее написать прежде всего для того, чтобы самому осмыслить вновь те события, которые составляют сердцевину нашей христианской веры, и чтобы потом на основе этих книг можно было сделать учебники для духовных школ.

– Это обзор, толкование?

– В основе лежит евангельский текст. Он рассматривается на фоне широкой панорамы толкований – от древних до современных. Большое внимание я уделяю критике современных подходов к евангельскому тексту, характерных для западных исследователей.

В современной западной новозаветной науке существует много разных подходов к Иисусу. Например, есть такой подход: Евангелия – это очень поздние произведения, они все появились в конце I века, когда уже прошло несколько десятилетий после смерти Христа. Был некий исторический персонаж Иисус Христос, Он был распят на кресте, от Него остался некий сборник поучений, который впоследствии был утрачен. Этот сборник людей интересовал, они стали вокруг него собираться, создали общины последователей Иисуса.

Потом им понадобилось все-таки понять, что это был за человек, произнесший эти поучения, и они начали сочинять про него разные истории: придумали историю рождения Девы, приписали ему всякие чудеса, вложили в его уста притчи. Но на самом деле это все была продукция людей, условно обозначенных именами Матфей, Марк, Лука и Иоанн, которые возглавляли некие христианские общины и писали это все для пастырских нужд. Такой, на мой взгляд, нелепый и кощунственный подход к Евангелиям сейчас едва ли не доминирует в западной новозаветной науке.

Есть книги о «богословии Матфея», где ни слова не сказано о том, что за этим богословием стоит Христос. По мнению этих богословов, Христос – это некий литературный персонаж, созданный Матфеем для пастырских нужд своей общины. Кроме того, пишут они, были апокрифические Евангелия, и только потом Церковь отсеяла то, что ей не нравилось, а на самом деле было много

иного материала.

Одним словом, вокруг личности и учения Христа создано множество научных мифов, и вместо того, чтобы изучать Его жизнь и учение по Евангелию, изучают эти мифы, изобретенные учеными.

Я доказываю в своей книге то, что для нас, православных христиан, является очевидным, но что совсем не очевидно для современных специалистов по Новому Завету. А именно, что единственным достоверным источником сведений о Христе является Евангелие, другого достоверного источника нет. Евангелие – это свидетельство очевидцев. Если вы хотите узнать, как что-то произошло, вы должны относиться к очевидцам с доверием. Как Святейший Патриарх Кирилл пишет в своей книге «Слово пастыря»: каким образом можно воссоздать дорожно-транспортное происшествие? Надо опросить свидетелей. Один стоял там, другой здесь, третий еще где-то. Каждый это увидел по-своему, каждый рассказал свою историю, но из совокупных свидетельств складывается картина.

Мы читаем Евангелие и видим, что во многом евангелисты сходятся. Но в чем-то они расходятся, и это естественно, потому что каждый это видел немного по-своему. При этом образ Иисуса Христа не раздваивается, не разделяется на четыре разных образа. Все четыре Евангелия говорят об одном и том же лице. Я в своей книге пишу, что Евангелия подобны сейфу с сокровищами, закрытому на два ключа: чтобы понять евангельские повествования и их смысл, нужно использовать оба ключа. Один ключ – это вера в то, что Иисус Христос был реальным земным человеком со всеми свойствами земного человека, во всем подобный нам, кроме греха. А другой ключ – это вера в то, что Он был Богом. Если хотя бы один из этих ключей отсутствует, вы никогда не откроете эту Личность, которой посвящены Евангелия.

– Какой график выхода в свет Ваших книг о Христе?

– Первая вышла только что. По мере готовности будут издаваться следующие. Поскольку я их уже написал, то дальнейшая их судьба зависит от книгоиздателей.

Тема слишком важная и слишком обширная. Это меня долгие годы удерживало от того, чтобы засесть за книги об Иисусе Христе. Я ходил вокруг да около: изучал Святых Отцов, писал о Церкви, разбирал различные вопросы богословия. Но подступиться к личности Христа я не мог.

– Страшно было?

– Я не находил какой-то свой подход, свой ключ. Конечно, я изучал то, что Святые Отцы писали об Иисусе Христе, это отражено в моих книгах. Например, в книге «Православие» у меня есть целый

раздел про христологию. Но если мы посмотрим, что писали об искуплении Святые Отцы в III–IV веках, то основной вопрос был: кому Христос заплатил выкуп. Термин «искупление» брали в его буквальном смысле – выкуп. И спорили о том, кому был заплачен выкуп. Одни говорили, что выкуп был заплачен дьяволу. Другие справедливо возражали: а кто такой дьявол, чтобы ему платить такую высокую цену? Почему Бог должен расплачиваться с дьяволом жизнью собственного Сына? Нет, говорили они, жертва была принесена Богу Отцу.

В Средние века на латинском Западе развилось учение о крестной жертве Спасителя как удовлетворении гнева Бога Отца. Смысл этого учения в следующем: Бог Отец настолько был прогневан на человечество, и человечество своими грехами настолько Ему задолжало, что никаким иным образом оно расплатиться с Ним не могло, кроме как смертью Его собственного Сына. Якобы эта смерть удовлетворила и гнев Бога Отца, и Его правосудие.

Для меня эта западная трактовка неприемлема. Апостол Павел говорит: «Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти». Думаю, что и Отцы Восточной Церкви, и западные писатели в свое время искали какие-то ответы на вопрос о том, в чем же заключается эта эта тайна, потому и создавали свои теории. Ее надо было объяснить на каких-то понятных для человека примерах.

Григорий Нисский, например, говорил, что Бог обманул дьявола. Будучи в человеческой плоти, Он спустился в ад, где дьявол царствовал. Дьявол Его поглотил, думая, что это человек, но под человеческой плотью Христа скрывалось Его божество, и, подобно рыбе, которая проглотила крючок вместе с приманкой, дьявол таким образом проглотил Бога вместе с человеком, и это Божество разрушило ад изнутри. Красивый образ, остроумный, но объяснить современному человеку искупление, пользуясь этим образом, невозможно. Мы должны найти иной язык, иные образы.

– Как Вы отвечаете на этот вопрос?

– Я думаю, что самое большее, что мы можем сказать о Боге, – это то, что Он захотел нас спасти именно таким, а не каким-либо иным образом. Он захотел стать одним из нас. Он захотел не просто спасать нас откуда-то с высоты, посылая нам сигналы, подавая руку помощи, но вошел в самую гущу человеческой жизни, чтобы всегда быть рядом с нами. Когда мы страдаем, мы знаем, что Он страдает вместе с нами. Когда мы умираем, мы знаем, что Он находится рядом. Это дает нам силу жить, дает нам веру в воскресение.

– Владыка, Вы работаете с большим объемом литературы на разных языках. А сколько Вы языков иностранных знаете?

– Несколько языков в разной степени. На английском я говорю и пишу свободно: на этом языке я даже думал какое-то время, когда учился в Англии. На французском говорю, читаю, при необходимости пишу, но не так свободно. На греческом говорю, но тоже менее уверенно (практики не хватает), хотя читаю свободно. Дальше – по убывающей. На итальянском, испанском, немецком – читаю, но не говорю. Из древних языков я изучал древнегреческий, сирийский и немного иврит.

– Как вообще Вы учили иностранные языки?

– Все иностранные языки я учил по Евангелию. Начинал всегда с Евангелия от Иоанна. Это самое удобное Евангелие, чтобы заучивать слова, они там постоянно повторяются: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, оно было в начале у Бога». Специалисты говорят, что словарь Евангелия от Иоанна в два раза меньше, чем в других Евангелиях, хотя по объему оно не уступает им. Этот лаконизм словаря связан с тем, что очень многие слова повторяются.

Почему удобно учить язык по Евангелию? Потому что, когда вы читаете хорошо знакомый текст, который знаете практически наизусть, вам не нужно смотреть в словарь, вы узнаете слова. И вот так я учил греческий язык. Прочел сначала Евангелие от Иоанна, потом прочел три других Евангелия, потом стал читать послания святых апостолов, а потом начал читать по-гречески Отцов Церкви. Кроме того, когда я учил греческий, я слушал в магнитофонной записи литургию на греческом языке. Я заучивал в том произношении, в каком сейчас он используется греками.

Сирийский язык я учил немного по-другому, это уже было в Оксфорде, у меня был прекрасный профессор, лучший в мире специалист по сирийской литературе, Себастьян Брок. Но он мне сразу сказал: учить с вами язык я не собираюсь, мне это неинтересно, мне интересно читать тексты. Поэтому мы начали с ним читать текст Исаака Сирина, а попутно я читал по-сирийски Евангелия и по учебнику Робинсона осваивал основы грамматики и синтаксиса.

Самое главное в языке – это, конечно, практика. Никакой учебник не заменит практической работы с текстом.

– Как Вы думаете, священникам сегодня иностранные языки нужны?

– У меня нет однозначного ответа. Кому-то, может быть, не нужны иностранные языки. Но иностранный язык полезен ведь не только в чисто утилитарных целях – чтобы на нем что-то прочитать или услышать, или иметь возможность кому-то что-то сказать. Он полезен, прежде всего, потому, что он открывает целый новый мир. Каждый язык отражает мышление какого-то народа, на каждом языке есть своя литература, своя поэзия. Я бы сказал, что для общего развития иностранный язык никогда никому не повредит. Другое дело, что у некоторых людей

может не быть склонности к языкам, может не быть к этому интереса.

Иностранные языки совершенно не обязательны для спасения, и они даже не обязательны для пастырской деятельности. Хотя я думаю, что для священника, читающего Евангелие, хотя бы какие-то основы греческого языка необходимы. Не случайно ведь в дореволюционной семинарии учили греческий и латынь – хотя бы для того, чтобы понимать смысл отдельных слов, выражений, того, что Христос говорит в Своих притчах, чтобы можно было обратиться к греческому оригиналу и сверить.

– Как Вы строите свой распорядок дня?

– Мой распорядок дня подчинен моим служебным обязанностям. У меня есть разные должности, возложенные на меня священноначалием: я – председатель Отдела внешних церковных связей и по должности постоянный член Священного Синода, ректор Общецерковной аспирантуры, настоятель храма. Еще я возглавляю множество всяких комиссий и рабочих групп, осуществляющих различные проекты.

Шесть дней в году у нас заседание Священного Синода, восемь дней в году – заседания Высшего церковного совета. Воскресенье – день богослужебный. Каждый церковный праздник – день богослужебный. Естественно, что перед каждым синодальным днем у нас, по крайней мере, несколько дней подготовки – мы готовим документы, отрабатываем журналы. У меня есть присутственные дни в ОВЦС и в Общецерковной аспирантуре. Множество встреч – с православными иерархами, с инославными, с послами различных государств. Очень важный пласт моей деятельности – поездки. Первые пять лет пребывания в должности председателя ОВЦС у меня было более пятидесяти зарубежных поездок в год. Иногда я прилетал в Москву, только чтобы самолет поменять.

– Аэрофобией не страдаете?

– Нет. Но после этих пяти лет я стал меньше ездить. За пять лет объездил всех, кого надо, и сейчас могу с очень многими поддерживать общение в режиме телефонных звонков, электронной переписки, то есть не нужно специально ездить куда-то, чтобы с кем-то пообщаться.

Кроме того, если раньше я принимал почти все приглашения, которые поступали на различные конференции, то в какой-то момент я и сам почувствовал, и мне Святейший Патриарх сказал: «Вы не должны столько ездить. Вы должны ездить только на самые главные мероприятия, где никто кроме вас участвовать не может». Соответственно, количество поездок сократилось – думаю, без ущерба для дела.

Из дней заседаний Синода и Высшего церковного совета, присутственных дней в Отделе и аспирантуре, церковных праздников и поездок в основном и складывается мое расписание. Оно на год достаточно предсказуемо.

В этом расписании есть паузы, которые необходимы мне для того, что условно можно назвать творческой деятельностью. Например, для того, чтобы книги писать.

– Какие дни Вы для этого используете?

– Во-первых, все гражданские выходные. Перефразируя слова известной песни, можно сказать: я другой такой страны не знаю, где так много было б выходных. Помимо отпуска, страна гуляет десять дней в январе, по нескольку дней в феврале, марте, мае, июне, ноябре. Эти выходные я и использую для того, чтобы писать. Скажем, новогодний период – с конца декабря до Рождества – это время, когда я пишу. Пишу также по субботам. Выходных в традиционном понимании этого слова у меня вообще нет. Если день свободен от служебных обязанностей, значит, я в этот день пишу.

– Вы быстро пишете?

– Обычно я пишу много и быстро. Я могу долго что-то обдумывать, но когда сажусь писать, моя средняя дневная норма – 5 тысяч слов в день. Иногда я эту норму не добираю, но иногда даже превышаю.

– Это больше, чем авторский лист!

– Это больше, чем авторский лист. При таком интенсивном ритме можно написать достаточно большой объем текста за достаточно короткий промежуток времени. Условно говоря, мне нужно 20 таких дней, чтобы написать книгу объемом 100 тысяч слов.

– Традиционно ведь книги измеряют знаками и авторскими листами…

– Я меряю в словах со времен Оксфорда. Когда я учился в Оксфорде, у меня был лимит 100 тысяч слов для докторской диссертации. Я этот лимит превысил и оказался в довольно скандальной ситуации: от меня требовали сокращать текст. Я сократил как мог, но все равно превышение составляло около 20 тысяч слов уже после того, как диссертация была переплетена (а переплет там стоил безумно дорого). Моему профессору владыке Каллисту пришлось специально идти в ректорат и доказывать, что для раскрытия моей темы эти дополнительные 20 тысяч слов

абсолютно необходимы. С тех пор, во-первых, я стараюсь писать лаконично, во-вторых, считаю объем написанного в словах, а не в знаках.

– Сталкивались ли с проблемами постоянного отвлечения внимания? У Вас компьютер отключен, например, от интернета, от электронной почты?

– Нет.

– Помню, что Вы рекордно быстро отвечаете на e-mail.

– Когда я сижу за компьютером и мне приходит сообщение, то, если оно краткое и деловое, я стараюсь отвечать сразу.

– Писем много?

– Не менее 30 в день.

– Но должны быть какие-то паузы?

– Да. Есть перерывы на еду. Но с тех пор, как я служил в армии, у меня привычка (говорят, вредная для здоровья) – есть быстро. Завтрак у меня занимает 10 минут, обед – 15, ужин – 10–15. Все то время, пока я не ем, не сплю и не молюсь, я работаю.

– Владыка, расскажите о своей оценке современного богослужения? Какие есть проблемы восприятия богослужебной молитвы?

– Православное богослужение – это синтез искусств. В этот синтез входят: архитектура храма, иконы и фрески, которые на стенах, музыка, которая звучит на службе, чтение и пение, проза и поэзия, которые звучат в храме, и хореография – выходы, входы, процессии, поклоны. В православном богослужении человек участвует всеми своими органами чувств. Конечно, зрением и слухом, но также обонянием – он обоняет запах ладана, осязанием – он прикладывается к иконам, вкусом – он принимает Причастие, принимает святую воду, просфоры.

Таким образом, всеми пятью органами чувств мы воспринимаем богослужение. Богослужение должно захватывать всего человека. Человек не может одной частью своего естества быть где-то в другом месте, а другой находиться на службе – он должен погрузиться в богослужение всецело. И наше богослужение построено таким образом, чтобы на то время, пока человек погружается в стихию молитвы, он из нее не выключался.

Если вы бывали в католических или протестантских церквах, вы могли видеть, что там богослужение состоит, как правило, из разрозненных лоскутков: сначала люди поют какой-то псалом, потом садятся, слушают чтение, потом снова встают. А у нас богослужение непрерывно. Это, конечно, очень помогает погрузиться в стихию молитвы. Наше богослужение – это школа богословия и богомыслия, оно насыщено богословскими идеями. Совершенно невозможно понимать богослужение, не зная, например, церковных догматов. Вот почему наше богослужение для многих людей оказывается непонятным – не потому, что оно на церковнославянском языке, а потому, что оно апеллирует к сознанию совсем других людей.

Допустим, приходят люди слушать Великий канон на первой седмице Великого Поста. Канон можно прочитать по-славянски, можно прочитать по-русски, эффект будет примерно один и тот же, потому что канон написан для монахов, которые практически наизусть знали Библию. Когда упоминалось некое имя в этом каноне, то у этих монахов сразу же в голове возникала ассоциация с неким библейским рассказом, который тут же аллегорически трактуется применительно к душе христианина. Но сегодня у большинства слушателей эти ассоциации не возникают, и многие из имен, которые упоминаются в Великом каноне, мы даже не помним.

Соответственно, люди приходят на Великий канон, они слушают то, что читает священник, но в основном они откликаются на припев: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». И каждый при этом стоит со своей молитвой, со своим покаянием, что само по себе, конечно, хорошо и важно, но это не совсем то, ради чего писался Великий канон. Поэтому для того, чтобы понимать богослужение, для того, чтобы его любить, нужно, конечно, и хорошо знать догматы, и знать Библию.

– Вы очень много общаетесь с людьми нецерковными. Что для священнослужителя самое главное в общении с человеком, далеким от Церкви?

– Я думаю, что самое главное – это что мы должны уметь людям так рассказать о Боге, о Христе, чтобы у них загорелись глаза, чтобы сердце воспламенилось. А для того чтобы это произошло, у нас самих должны гореть глаза, мы должны жить тем, о чем мы говорим, мы должны постоянно этим гореть, мы должны в себе возгревать интерес к Евангелию, к Церкви, к таинствам церковным, к догматам церковным. И конечно, мы должны уметь говорить людям о сложных вещах на простом языке.

Беседовала Анна Данилова

Смотрите перевод интервью на немецкий язык.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49323/